

Время пролетело незаметно, наступил 1953 год. Шла последняя половина года, когда мы противостояли американцам. Жаль, что у меня нет сил помочь, руки пусты. Вот если бы была система, какая-нибудь синтезированная бригада или что-то в этом роде, разве не разбили бы мы янки в пух и прах!

Солнце двадцать четвертого дня двенадцатого лунного месяца только-только поднялось над карнизом, как Ван Ханьлинь услышал, что Третий дядя во дворе читает присказку для уборки дома: Сверху сметаем неудачи, снизу выметаем пыль, перед ликом бога очага подносим ростки пшеницы... Он посмотрел на ледяные узоры на оконных переплетах и протянул руку, чтобы проверить температуру печки-буржуйки — пора было нести новогодние подарки крестной матери.

От камфорного сундука веяло ароматом выдержанной полыни. Ван Ханьлинь разложил на кане овчинный полушубок, проверил — все в порядке, скоро надевать, уж больно холодно на улице.

— Линь, рыбу, что вчера наловил, надо свежей нести, — из-под края окна показалось лицо тетушки Янь в синем платке, а на бамбуковой палке рядом покачивался замороженный тофу.

Ван Ханьлинь отозвался, уложил трех карпов в намоченную речной водой сумочку из рогожи, а потом достал мешочек из грубой ткани — в нем был жасминовый чай, который он собирал полгода. Крестная больше всего любила пить его с леденцовым сахаром.

Проходя через два хутуна, он издали увидел, что перед зданием уличного комитета вовсю цветет зимняя слива.

Заведующая Ван в нарукавниках подметала ступеньки, на коленях ее шерстяных брюк виднелись аккуратные заплатки.

— Крестная! — только успел крикнуть Ван Ханьлинь, как в него ткнули метлой:

— Сколько раз повторять, в служебном помещении нужно называть по должности!

На плитке в дальней комнате посвистывал чайник. Заведующая Ван сняла очки в роговой оправе и шепоткой бросила чай в эмалированную кружку. Она внезапно приподняла стекло на рабочем столе, под которым пожелтела грамота: С почетом присвоить товарищу Ван Ханьлиню звание образцового молодежного активиста, дата стояла — праздник Двойной девятки позапрошлого года.

Рыба пускала пузыри в эмалированном тазу, а заведующая Ван достала из нижнего ящика шкафа алюминиевый котелок:

— Твоя любимая горчица, еще осенью солила.

В глиняном горшке на плите закипала вода. Заведующая Ван, словно фокусник, выудила кусок

замороженного тофу:

— Помнишь, когда твоему брату было семь лет, он твердил, что тофу — это превратившиеся облака.

Наверное, крестная скучала по сыну. С тех пор как старший брат ушел на фронт помогать корейскому народу в борьбе против американцев, она то и дело вспоминала о нем.

Она резала овощи так же, как когда-то в годы войны, когда учила женщин на курсах ликбеза: ломтики редьки на доске были один к одному, ровные, как печатные литеры в книжках с картинками.

— Вы до сих пор это храните? — Ван Ханьлинь мельком увидел в углу жестяную коробку из-под печенья, на крышке которой был отпечатан лозунг: Освободим весь Китай.

Он приоткрыл крышку и увидел стопку грамот, а под ними — открытку, нарисованную карандашом. Рядом с кривобоким персиком долголетия было выведено: Желаю маме всегда быть двадцативосьмилетней. Это была работа старшего брата, когда ему исполнилось десять лет.

Когда сумерки просочились в оконные проемы, рыбный суп в горшке стал молочно-белым. Заведующая Ван достала из ящика стола сверток в красной бумаге:

— Перед Новым годом уличный комитет вырезал узоры для окон для одиноких стариков, помощи-ка мне.

Развернув бумагу, он увидел узор из сросшихся лотосов, к краям еще прилип прошлогодний клейстер.

Вдруг снежинки пробились сквозь щель в двери и упали на ее виски, где только начала пробиваться седина, — казалось, это волосы поседели раньше времени.

— Крестная, завтра я собираюсь вернуться в деревню Ван. В этом году я там еще не был, дедушка прислал весточку через сородичей, просил приехать на праздник. У младшего дяди первая годовщина смерти, я должен помянуть его, иначе дедушке будет не по себе.

— Езжай, конечно. Твой крестный, сестра и зять тоже приедут, не переживай.

— Я подготовил для вас двух сомов и несколько килограммов речных креветок, скоро занесу вам домой.

— Хорошо, у тебя есть ключи, положи там в надежном месте, в тот маленький чан, как обычно.

— А дедушке Ли? Кому отдать подарки, что я приготовил? Я его сегодня не видел.

— Старик уехал проводить боевых товарищей, на Новый год не вернется, приедет уже после праздников.

На обратном пути Ван Ханьлинь нес пустую сумочку из рогожи, а за пазухой у него был сверток с жареными фрикадельками, завернутый в газету. Проходя мимо магазина зерна и масла, он услышал, как из щели в двери доносится голос рассказчика: Ян Цзыжун как раз взбирался на гору, чтобы сразиться с тигром.

Снег перед входом в сыхэюань был расчищен, образовалась узкая тропинка. Третий дядя как раз наклеивал перевернутый иероглиф счастья. Увидев газетный сверток в руках у парня, он только причмокнул губами:

— Опять заведующая Ван тебя подкармливает?

В северной комнате вдруг заплакал младенец, и этот звук, смешавшись с музыкой из радиоприемника, наполнил сумерки двадцать четвертого дня теплом и уютом.

Ван Ханьлинь стоял под навесом и грел дыханием озябшие руки. С сосулек на карнизе западного флигеля закапала вода, и в этом звонком ритме ему почудилось, будто крестная говорит: После малого Нового года наступит весна, пора менять оконные сетки. Он посмотрел на свежее изображение бога очага, наклеенное на балку, и вдруг подумал, что улыбка на рисунке чем-то напоминает улыбку крестной, когда она держит свою эмалированную кружку.

<http://bllate.org/book/18479/1773176>